

Сказочник

Маленький бродячий театр с большой радостью встречали в забытом городе. Ежесезонный приезд его сопровождался ярким праздником, в котором утопали старые городские улицы. Каждый как мог украшал свою обитель: наружу вывешивались самые красочные гобелены и маски, расписные украшения и разноцветные гирлянды, зажигались все найденные и откопанные на чердаках и в подвалах свечи, а в небо запускали фейерверки. Огромные толпы детей и взрослых с криками бежали за передвижной сценой на колёсах, которую бодро катили к центру две борзые лошадки, а толстый кучер руководил хором голосов, отбивая ритм длинным бичом, что извивался у него в руке как кожаный змей. Потерянный тусклый городок оживал, люди начинали улыбаться, разговоры и смех не прекращались ни днём ни ночью, и целую неделю с самого утра все от мала до велика собирались на небольшой круглой площади в центре неровных спирально-круговых улиц, рассаживались кто куда: на скамейки, на принесённые с собой стулья, пледы или гамаки, что цепляли между стальных фонарных столбов, и даже прямо на тёплую от дневного зноя брусчатку, и ждали вечернего представления. С сумерками на сцену выбежал недавний кучер и визгливым голосом задорно сообщал, что сейчас выступит "Великий и неповторимый" или "Незабываемый и ужасный", и толпа взрывалась хохотом, зная наперёд все реплики и сюжеты и всё равно с нетерпением ожидая любимых героев, чтобы вновь и вновь удивляться их смекалке, храбрости и силе любви.

В самой глубине телеги, сразу за импровизированной сценой, спрятавшись за ширмой и обложившись кучами старого хлама, костюмов и реквизита, покоился огромный старинный ларец. Его толстые дубовые и чуть шершавые от многочисленных потёртостей доски почернели от времени, впитав в себя все звуки и запахи, что повидали на своём долгом веку. Расшатавшиеся блестящие петли жалобно поскрипывали каждый раз, как только кто-то поднимал тяжёлую крышку, так что запоздалые зрители, не успевшие разбрестись по домам и заснуть самым красочным из своих снов, могли уловить их протяжный стон в тяжёлой тишине сонного города. Тряпичные мешки с надписями на непонятном языке до краёв наполняли пыльное пространство деревянного дворца. Каждый из них имел своё место и свою историю и каждый вынимался из темноты, как только подходила его очередь, которая выпала на странной двадцатигранной кости. Кроме одного.

Дранные, шитые-перешитые швы давно требовали хорошего ремонта, а слои пыли, накопившиеся за годы лежания в сундуке, окончательно скрыли выцветшую надпись на лицевой стороне от любопытных людских глаз. Из-за почти отвалившейся заплатки выглядывали две огромные чёрные бусины, грустно наблюдая за круговоротом жизней над головой и всё больше теряясь за гранью времени.

Длинные стройные пальцы с тонким, почти незаметным чёрным колечком, нащупали перетёртую шёлковую нить и осторожно дёрнули. Клубы пыли взвились вверх и хлопьями медленно осели вокруг, везде до куда смогли долететь. Кожа ощутила приятное тепло от прикосновения к прошлому, которое, казалось, навсегда утеряно.

Появившись из подранного шутовского носка, он сразу ей полюбился. Волшебные ловкие пальцы матери превратили ненужную тряпку в невероятно милое и забавное существо, и маленькая девочка ни на минуту с ним не расставалась. Каждый вечер, засыпая под мерный стук копыт, она просила отца рассказывать ей истории про жизнь этого создания. Маленькие ручонки крепко обнимали мягкое творение, запуская цепкие пальчики в густую шевелюру, сбивчивое дыхание выравнивалось, и ребёнок отправлялся в далёкий путь в неизведанное. Во сне они вместе путешествовали по другим мирам, катались на единорогах и рисовали звёзды, а из брызг создавали созвездия и планеты для новых странствий. Любимец толпы, звезда театра и самый известный сказочник в городе, этот старичок привлекал не только её внимание и любовь, всюду разжигая счастливые огни веселья и безудержной радости. Его абсолютно бесцветные волосы серым каскадом толстых шерстяных ниток ниспадали на полосатый радужный плащ, расшитый звёздами, а спутанная седая борода скрывала большую часть тряпичного тельца. Он заставлял людей улыбаться и плакать, смеяться и грустить, любить и ненавидеть. Одно его слово могло пронести сдержанный вдох по толпе, а другое – всплески криков ужаса или требования справедливости. Каждое выступление встречалось громким свистом и взрывами аплодисментов, и даже после ухода за кулисы он не переставал слышать в свой адрес самые лестные слова, а поклонники собирались у театра и поджидали, пока хозяин приоткроет дверь для кошки, чтобы хотя бы одним глазком взглянуть на Сказочника.

-Что там у тебя?

-Представляешь, откопала Сказочника, – свет больно ударил по матовым от

бесконечного множества царапин бусинам, заставив слезы выступить на них неяркими жёлтыми бликами, а призрачные воспоминания о былом рас-
твориться в пыльной полутьме помещения.

-Да что ты? Давненько он у нас не выступал! И не вспомню уже, когда это было в последний раз. Тебе не было, быть может, и пяти.

- Боюсь, он уже слишком стар для этого мира...

Громко стукнувшись о грязную стенку мусорного контейнера, кукла мрачно уставилась в тускло-серое небо. Боль несправедливости и обиды переполняла маленькую тканевую грудку, а шпажки для управления ручками тряслись от негодования. Вся жестокость мира обернулась к нему своей самой отвратительной стороной, чёрным соком мстительности и жалости к себе переполняя когда-то радужную головку. Последние капли недопитой колы из жестяной банки грустно упали сверху, растёкшись по мокрой от впитавшейся газировки бороде. Серые тучи вспыхнули ярким светом, и по листве в вышине забарабанил тропический ливень. Тоненькие ручейки стекали из двух чёрных точек, выглядывающих из однообразной кучи мусора и падали вниз, оставляя за собой солёные дорожки на спутанных волосах. Запоздалый гром потряс знойный воздух и унёсся ввысь. В сгустившихся сумерках остался лишь шум летней грозы.

